АРКАДИЙ ГАЙДАР

ПОХОД

Об этой книге

Ребята, возможно, когда вы были совсем маленькими, вам читали эти рассказы. Теперь вы уже научились читать сами. Когда человек остаётся один на один с книгой, он думает прежде всего о её героях и о той жизни, что открывается перед ним в книге. Думает и о себе, представляя себя на месте героя, и о том человеке, который написал книгу.

Здесь, в этом сборнике, помещены шесть маленьких рассказов Аркадия Петровича Гайдара: «Советская площадь», «Василий Крюков», «Патроны», «Поход», «Маруся» и «Совесть». Написаны они были давно, когда вас, ребята, ещё не было на свете.

«Василий Крюков», «Советская площадь» и «Патроны» – рассказы о революции и гражданской войне, участником которой был и сам автор Аркадий Петрович Гайдар. В ряды Красной Армии он вступил четырнадцатилетним пареньком и в шестнадцать лет командовал полком. Гайдар начал свою жизнь солдатом и умер как солдат. В 1941 году, когда фашистская Германия напала на нашу страну, Гайдар ушёл добровольцем на фронт. И там, где он воевал в гражданскую войну, довелось ему воевать и в Великую Отечественную войну – на Киевщине, 26 октября 1941 года в неравном бою с гитлеровцами Аркадий Петрович Гайдар пал смертью храбрых. Было ему тогда 37 лет. Накануне двадцатилетней годовщины победы над фашистской Германией Гайдар был посмертно награждён орденом Отечественной войны I степени.

Если внимательно прочитать маленькие рассказы Гайдара, можно сказать, что писал их человек весёлый, с открытым сердцем и твёрдым характером, человек, повидавший в жизни многое. Гайдар любил смелых и правдивых людей, преданных революции. Он показывает своих героев, взрослых и детей, в самые трудные, решающие минуты жизни. В такие минуты человек собирает все свои силы, весь свой ум, чтобы поступить правильно, достойно. В такие минуты видно, на что способен человек, чего он стоит.

Аркадий Петрович Гайдар написал много книг. Быть может, вам читали повесть «Тимур и его команда», рассказы «Чук и Гек», «Дым в лесу», сказку «Горячий камень». Эти произведения были написаны в те же годы, что и маленькие рассказы, помещённые в этом сборнике. Ранее им были написаны «Р.В.С.» и «Четвёртый блиндаж», повесть «Школа», в которой он частично рассказал о своём детстве и юности. Потом были написаны «Голубая чашка» и «Дальние страны», повести «Военная тайна» и «Судьба барабанщика»...

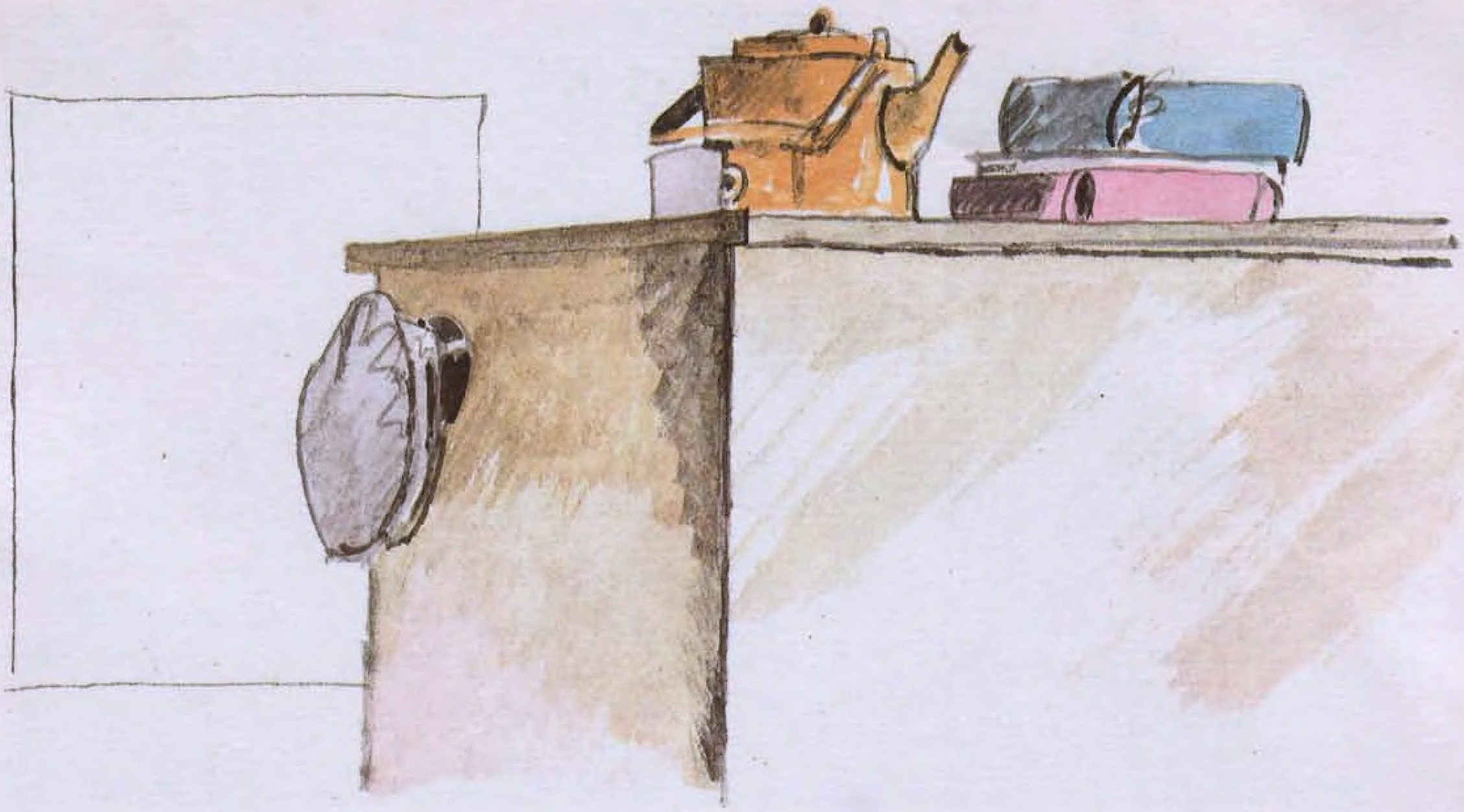
Пройдёт немного времени, вы прочтёте и эти книги замечательного писателя-воина и, наверное, крепко подружитесь с ними.

Ф. Э б и н

АРКАДИЙ ГАЙДАР

ПОХОД

Красноярское книжное издательство
Сосновоборский филиал



Советская площадь

Это был 1919 год — кажется, февраль. Мне только исполнилось пятнадцать лет.

И вот командующий, который, по добродушию, именовал меня то ординарцем, то адъютантом, сказал:

—Я уезжаю на Советскую площадь. Герой, не хмурься! Я взял бы и тебя, но в машине нет бензина, и я поеду верхом.

Но я уже знал, зачем торопятся войска на площадь. И вздрогнул и попросил: «Товарищ командующий, мне горько! Разрешите и мне поехать верхом с вами?»

Он предупредил: «Смотри!»

И я помчался на конюшню выбирать лошадь потише, потому что держался в седле я еще совсем плохо.

Но все, что потише, были клячи, убогие, дохловатые.

И мне оседлали высокого лукавого коня, который, едва очутился на площади, стал храпеть, крутить мордой и толкать крупом других…

И был митинг, и с балкона Моссовета выступали лучшие коммунисты многих стран.

И всадники, зло поглядывая на меня, тихо бранились и украдкой шпыняли моего коня кто носком сапога, а кто черенком плетки.

Вдруг вся площадь замерла, и на балкон вышел Ленин. Радостный, поднялся я на стременах, но конь мой вздрогнул, захрапел, попятился…

И во время короткой речи Ленина все свои силы, все невысокое умение я истратил только на то, чтобы конь мой хоть кое-как стоял смирно и если не мне, то хотя бы людям дал послушать то, что скажет великий вождь.

Но когда Ленин окончил говорить и площадь загремела музыкой и криками, то в гневе и слезах жиганул я коня нагайкой, вылетел из строя и помчался куда глаза глядят по пустынным, занесенным сугробами улицам.

Больше я Ленина никогда не слышал и не видел. Но в этот же день люди, кто как мог, речь его мне пересказали. А я задумался, отпросился у командующего и вскоре ушел с его красноармейцами на фронт — в далекую Двенадцатую армию.

1940

Василий Крюков

У красноармейца Василия Крюкова была ранена лошадь, и его нагоняли белые казаки. Он, конечно, мог бы застрелиться, но ему этого не захотелось. Он отшвырнул пустую винтовку, отстегнул саблю, сунул наган за пазуху и, повернув ослабелого коня, поехал казакам навстречу.

Казаки удивились такому делу, ибо не в обычае той войны было, чтобы красные бросали оружие наземь… Поэтому они не зарубили Крюкова с ходу, а окружили и захотели узнать, что этому человеку надобно и на что он надеется. Крюков снял серую папаху с красной звездой и сказал:

— Кто здесь начальник, тот пусть скорее берет эту папаху.

Тогда казаки решили, что в этой папахе зашит военный пакет, и они крикнули своего начальника.

Но, когда тот подъехал и протянул руку, Крюков вырвал наган из-за пазухи и выстрелил офицеру в лоб. Крюкова казаки зарубили и поскакали дальше своим путем.

Одни казаки ругали Крюкова, другие — своего офицера. Но были и такие, что ехали теперь молча и угрюмо думали о том, какая крепкая у красных сила.

1939

Патроны

При отступлении пуганные лошади опрокинули в придорожную канаву разбитый ящик с патронами. В спешке никто их не подобрал.

И только через неделю, срезая для козы траву, наткнулся на них Гришка. Он вытряхнул козий корм. Навалил в сумку много патронных пачек, принес домой и похвалился:

— Вот, мама! Нашел! Блестящие, новенькие. Я сейчас побегу, принесу еще кучу.

Но мать быстро закрыла огонь в печке и на Гришку закричала:

— Умный ты, Гришка, или полоумный? Тащи сейчас же этот страх и утопи в пруду или в речке. Быстро, или я деда позову!

Вздохнул Гришка: как тут будешь спорить? Взвалил сумку на плечо и понес из хаты.

Но патроны в речку не кинул. Оставил себе три пачки, остальные свалил в кустах, за огородом, накрыл соломой и засыпал сухими листьями.

Утром дед Семен вошел в хату, бросил топор, сел на лавку, распахнул окно, закурил, задымил и сказал:

— Беда, Ганна! Сдается мне, что-либо махновцы, либо казаки опять близко. Стою я у колодца и слышу, как за речкой громко да тяжко бомба раза два на лугах грохнула.

Тогда мать кинулась в чулан, проворно собрала одежду, что получше: платок с бахромой, платье, серые дедовы шаровары, розовую Гришкину рубаху. Связала все в узел и спрятала в хлеве, под сухим свиным корытом.

Но махновцы были тут ни при чем.

Вернулся Гришка с речки только к вечеру. Принес он одного карасика, двух ершей да плотичку. Хмуро повесил эту рыбу на гвоздь, чтобы не сожрала кошка, и, не похвалившись уловом и даже не спросив обедать, боком-боком направился было спать на сеновал к деду. Но мать сразу заметила, что рука у него обмотана тряпкой, глаза виноватые, а лицо унылое. И в тревоге спросила:

— Это что у тебя с рукой, Гришка? Опять патроны?

— Нет, у костра обжег, когда пек картошку. Ты мне смажь да завяжи покрепче, мама.

Тогда мать уверенно сказала:

—Ой, врешь, Гришка!

Но руку ему салом смазала, приложила свежий лопух и чистым лоскутом завязала.

Потом она вышла и села у крылечка.

Большая кругом лежала земля. Большая ходила по дорогам война. Вот тут-то, на войне, и стояла серая с белой трубой хата, где жила мать и ее сын Гришка.

На другой вечер пронесся по улице топот, стук и гром.

Просунулась в дверь винтовка, за ней бородатый казак. Стукнул он прикладом об пол и приказал:

— А подать сюда хорошей еды и самого холодного молока крынку!

Испугался Гришка, вынул патрон из кармана и незаметно кинул его за окошко. Да вот беда! Упал патрон прямо другому казаку под ноги. Поднял казак патрон, отнес в хату и показал его старшому.

Отодвинул пустую крынку старшой. Расстегнул ворот, распустил пояс и объявил:

— Не иначе, как здесь оружейный склад. Обыщите вы все сараи и погреба, да и сундуки тоже. А кто тут есть в доме хозяин — посадите его под замок в амбар.

И посадили старого деда Семена в амбар. Вышла во двор Гришкина мать, заплакала, заругала Гришку:
— Чтоб ты пропал со своими патронами! Беги, расскажи про беду дяде Егору.
— Плохи дела! — сказал Гришке дядя Егор. — Надо выручать старика, а как — не знаю. Пойди узнай, много ли казаков и думают ли они остановиться на ночевку, а я подожду тебя у речки.

Пошел Гришка считать казаков. Но казаки не стоят на месте, а взад-вперед по селу шмыгают. И очень просто одного казака за двоих сосчитать можно. И стал тогда Гришка считать по дворам казачьих коней. Насчитал двадцать три, хотел бежать к дяде Егору — вдруг за кустами раздался выстрел.

Тут выбегает казак, ведет под уздцы коня и кричит:
— Сюда, сюда! Здесь красные близко.
— Что ты городишь, баранья голова? — спросил старшой. — Это наш конь.
— Нет, это их конь, — отвечал казак. — Сейчас я сбил с этого коня одного партизана.

Пока они дивились, выбегает еще казак — сапоги в руках, волосы мокрые — и давай ругаться:
— Ах, такие-сякие, кто моего жеребца увел?
— Да разве же это твой?
— А то чей же? Или у вас глаза ослепли?

Собрались тогда все казаки в кучу и стали разбирать: как же оно такое вышло?

А вышло вот как. Привязал казак коня, а сам кустами по круче полез к речке купаться. А в кустах дядя Егор сидел и ждал Гришку. Увидел Егор коня без хозяина: «Дай, — думает, — вскочу и помчусь за помощью в лес, к партизанам». Только вскочил на коня, вдруг — хлоп! — ударил сбоку выстрел. Слетел под обрыв дядя Егор и задал скорей ходу назад, в деревню. Пуля только ремень порвала.

Пробрался дядя Егор к амбару и слышит, как дед Семен через стену часового ругает. И так он его стыдит — и жуликом зовет, и разбойником бранит. Рассердился часовой, прислонил винтовку к стене, а сам по лестнице забрался к чердаку и давай тоже деда ругать через окошко.

Вылез тогда дядя Егор, открыл затвор и все пять патронов из казачьей винтовки вынул. «Сейчас, — думает он, — ты слезешь, и я тебя из-за угла тихо возьму, голубчика». И только отпрыгнул дядя Егор за угол, как опять наткнулся на другого казака.

— Ты что здесь прыгаешь? — спросил казак. — Или ты не знаешь приказа по домам сидеть, а по задворкам не шляться?

Отвел он Егора к старшому, и тот приказал:

— А заприте этого прыгуна к старику в соседи.

Заперли и дядю Егора в амбар.

Не нашел Гришка Егора у речки. Когда вернулся, уже совсем темнело.

— Чтоб ты провалился со своими патронами! — еще горше заплакала мать. — Посадили теперь под замок и дядю Егора.

И стало тогда Гришке так жалко деда Семена и дядю Егора, что потекли по его щекам сначала две слезы, потом еще четыре. Но вздохнул он, перестал плакать и молча скрылся.

Подполз он от огорода к амбару. Лежит в крапиве и тихонько шепчет.

— Дядя Егор, дед Семен! Вы разгребайте руками под бревнами дыру, а я отсюда лопатой копать буду.

Но казак, что за плетнем дверь караулил, уши, как волк, расставил и шум услышал.

— Стой! — крикнул он. — Кто идет?

Гришка — бежать. Хлопнул часовой раз, хлопнул курком два, а выстрела-то и нету.

Прибежал старшой и стал ругаться:

— Ты зачем, баранья голова, на посту с незаряженной винтовкой ходишь?

— Неправда! — заорал казак, — Только что заложил я в коробку четыре патрона, пятый загнал в ствол и свернул предохранитель. Вот она, в ногах лежит, от патронов пустая обойма.

Поднял старшой обойму. Подошли тут еще казаки, сбились кучей и стали думать: «Как же оно так вышло?»

Сидела мать у окна и горько плакала. Вдруг просунулась в окно, вся в репьях, лохматая Гришкина голова.

— Ты откуда? — воскликнула мать.

— Дай спички!

— Зачем?

— Дай! — настойчиво повторил Гришка и, схватив с подоконника коробок, скрылся.

И вовремя. Вошел из сеней казак, оглянулся и спросил:

— Ты с кем это, баба, сейчас разговаривала?

.

— Да так, сама с собой, — отвечала мать, испугавшаяся за Гришку. Удивился казак и позвал старшого. Удивился старшой и сказал:
— Чудны дела, казаки! Люди сами с собой разговаривают. Убитые исчезают. Заряженные винтовки не стреляют.

И тогда покосились казаки на темные окна. И каждый подумал: «А не лучше ли отсюда на ночь убраться к своему полку поближе?»

Но тут грянул в темноте выстрел. И пошел огонь, пошла канонада.
— Красные!
— Окружают!

Повскакали казаки в седла, и только окна зазвенели от конского топота.

…А когда все стихло, осторожно просунулась в хату голова Гришки:
— Никого, мама?
— Никого, Гришка.
— Пойдем открывать амбар, мама!
— Погоди, Гришка. Пусть отопрут сами товарищи.
— Какие товарищи?
— Красные! Каких ждали!
— Никого, мама, на дворе нету, — хмуро сказал Гришка. — Это я за огородом патроны разложил, завалил сеном, да и зажег спичкой. Вот тут-то они у меня и загрохотали!

Ничего не сказала мать. Вытерла слезы. Зажгла фонарь. Взяла топор. И пошли они с Гришкой сбивать замок с амбара

1926-1941

Поход

Ночью красноармеец принес повестку. А на заре, когда Алька еще спал, отец крепко поцеловал его и ушел на войну — в поход.

Утром Алька рассердился, зачем его не разбудили, и тут же заявил, что и он хочет идти в поход тоже. Он, вероятно бы, закричал, заплакал. Но совсем неожиданно мать ему в поход идти разрешила.

И вот для того, чтобы набрать перед дорогой силы, Алька съел без каприза полную тарелку каши, выпил молока. А потом они с матерью сели готовить походное снаряжение. Мать шила ему штаны, а он, сидя на полу, выстругивал себе из доски саблю. И тут же, за работой, разучивали они походные марши, потому что с такой песней, как «В лесу родилась елочка», никуда далеко не нашагаешь. И мотив не тот, и слова не такие, в общем эта мелодия для боя совсем неподходящая.

Но вот пришло время матери идти дежурить на работу, и дела свои они отложили на завтра.

И так день за днем готовили Альку в далекий путь. Шили штаны, рубахи, знамена, флаги, вязали теплые чулки, варежки. Одних деревянных сабель рядом с ружьем и барабаном висело на стене уже семь штук. А этот запас не беда, ибо в горячем бою у звонкой сабли жизнь еще короче, чем у всадника.

И давно, пожалуй, можно было бы отправляться Альке в поход, но тут наступила лютая зима. А при таком морозе, конечно, недолго схватить и насморк или простуду, и Алька терпеливо ждал теплого солнца.

Но вот и вернулось солнце. Почернел талый снег. И только бы, только начать собираться, как загремел звонок. И тяжелыми шагами в комнату вошел вернувшийся из похода отец. Лицо его было темное, обветренное, и губы потрескались, но серые глаза глядели весело.

Он, конечно, обнял мать. И она поздравила его с победой. Он, конечно, крепко поцеловал сына. Потом осмотрел все Алькино походное снаряжение. И, улыбнувшись, приказал сыну: все это оружие и амуницию держать в полном порядке, потому что тяжелых боев и опасных походов будет и впереди на этой земле еще немало.

1940

Маруся

Шпион перебрался через болото, надел красноармейскую форму и вышел на дорогу.

Девочка собирала во ржи васильки. Она подошла и попросила ножик, чтобы обровнять стебли букета.

Он дал ей нож, спросил, как ее зовут, и, наслышавшись, что на советской стороне людям жить весело, стал смеяться и напевать веселые песни.

— Разве ты меня не узнаешь? — удивленно спросила девочка. — Я Маруся, дочь лейтенанта Егорова. Этот букет я отнесу папе.

Она бережно расправила цветы, и в глазах ее блеснули слезы.

Шпион сунул нож в карман и, не сказав ни слова, пошел дальше.

На заставе Маруся говорила:

— Я встретила красноармейца. Я сказала, как меня зовут, и странно, что он смеялся и пел песни.

Тогда командир нахмурился, крикнул дежурного и приказал отрядить за этим «веселым» человеком погоню.

Всадники умчались, а Маруся вышла на крутой берег и положила свой букет на свежую могилу отца, только вчера убитого в пограничной перестрелке.

1939

Совесть

Нина Карнаухова не приготовила урока по алгебре и решила не идти в школу.

Но, чтобы знакомые случайно не увидели, как она во время рабочего дня болтается с книгами по городу, Нина украдкой прошла в рощу.

Положив пакет с завтраком и связку книг под куст, она побежала догонять красивую бабочку и наткнулась на малыша, который смотрел на нее добрыми, доверчивыми глазами.

А так как в руке он сжимал букварь с заложенной в него тетрадкой, то Нина смекнула, в чем дело, и решила над ним подшутить.

— Несчастный прогульщик! — строго сказала она. — И это с таких юных лет ты уже обманываешь родителей и школу?

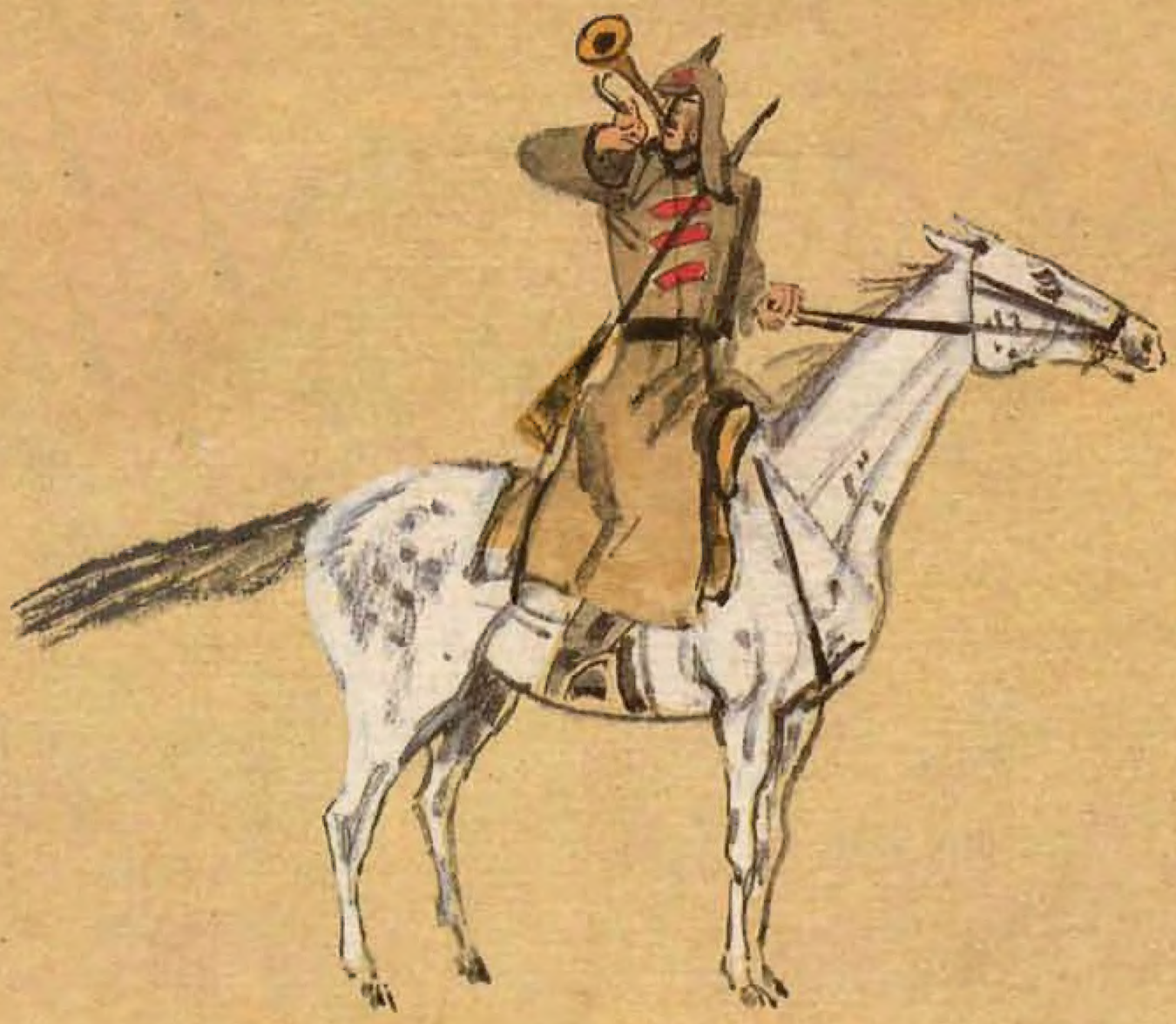
— Нет! — удивленно ответил малыш. — Я просто шел на урок. Но тут в лесу ходит большая собака. Она залаяла, и я заблудился.

Нина нахмурилась. Но этот малыш был такой смешной и добродушный, что ей пришлось взять его за руку и повести через рощу.

А связка Нининых книг и завтрак так и остались лежать под кустом, потому что поднять их перед малышом теперь было бы стыдно.

Вышмыгнула из-за ветвей собака, книг не тронула, а завтрак съела.

Вернулась Нина, села и заплакала. Нет! Не жалко ей было украденного завтрака. Но слишком хорошо пели над ее головой веселые птицы. И очень тяжело было на ее сердце, которое грызла беспощадная совесть.



Художник: Гальдяев В.Л.

Гайдар А.П.

ПОХОД